

ПРЕДИСЛОВИЕ

Собрались на Ближней даче, под самое утро. Все пребывали в изрядном подпитии, но были еще бодры. Двигая стульями, расселись вдоль стола, на котором против каждого места стояли бутылки с винами и тарелки с закусками. Во главе стола сел «Хозяин». Все были оживлены и гомонили, обсуждая недавний банкет и делясь какими-то кремлёвскими сплетнями.

5

У дверей застыли немymi истуканами пара официантов с тележками, готовые в любой момент сменить блюда или принести вина, взгляды их были отрешённые, они ничего не видели и не слышали. Потому что не должны были. Может, они даже были глухонемые, потому что никогда рта не открывали.

Присутствующие гости растёгивали воротники и распускали ремни, готовясь к продолжению праздника, по случаю дня рождения Ворошилова.

«Хозяин» звякнул вилкой о стакан. И все осеклись.
— Налэвайте.

Налили. Замерли.

— Хочу поднять этот бокал за тебя, дорогой Климент, чтобы всё у тебя было лучше всех. Как говорят у нас на Кавказе — будь быстр как барс, хитёр как лисица и летай высоко как орёл.

— Спасибо, Коба!

Все разом встали, стуча стульями, подняли рюмки, выпили, заговорили:

— С днём рождения, Климент...

— Сто лет живи, а потом еще сто...

Хозяин сел.

И все сели.

Звякнули вилки и ножи.

Потом были еще тосты. Сухие вина из кремлёвских погребов были почти без градуса, но когда пьёшь весь день, вечер и ночь — всё равно забирает. Физиономии гостей краснели, языки развязывались.

«Хозяин» пил любимое «Карталинское» тридцатиграммовым стаканчиком и смотрел, и слушал, улыбаясь в усы.

Он вообще любил слушать...

— Тост, у меня тост! — крикнул, вставая, Хрущёв.

Его потянули было за рукава назад, но он вырвался, повернувшись всем корпусом к «Хозяину».

— За нашего вождя и победителя, великого товарища Сталина!

Все вскочили, подняв рюмки. Хрущёв всхлипнул, утёрся рукавом и сказал:

— Как мы будем без тебя, дорогой ты наш Иосиф Виссарионыч? Сиротами станем!

И все мгновенно умолкли. И рюмки замерли в руках, не донесённые до рта.

Не так сказал Хрущ. И не то. Простой мужик, от сохи, вечно что-нибудь сморозит. Да еще, спьяну назвал товарища Сталина по имени отчеству, что было не принято и «Хозяину» не нравилось.

И всё вокруг замерло в ожидании. Потому что никто не знал, что за сим последует. И Хрущёв, что-то такое сообразив, закрутил головой и пошёл от шеи пятнами.

Генералиссимус усмехнулся, глянул на своих сподвижников, но глаза его не улыбались. Глаза его были ясны и остры.

— Хороший тост, — сказал он. — Но только это не скоро будет. Я еще всех вас похороню. На Кавказе долго живут! Пейте, пейте... За мое здоровье пейте. И ты, Никита, пей!

Хрущёв, быстро опрокинул рюмку. И все за ним. И тихо опустились на стулья, уперев глаза в тарелки.

«Хозяин», не торопясь, встал, отошёл к окну, закурил трубку. И пауза тянулась и томила.

— А вы чего сидите? Сегодня хороший день, сегодня день рождения лучшего друга советских спортсменов, нашего дорогого товарища Ворошилова. Пейте, кушайте, — приветливо сказал товарищ Сталин. — Вы мои гости, почувствуйте себя как дома. На Кавказе, кто не пьёт и не ест в гостях, тот наносит хозяину дома обиду. — И тихо, в усы, проговорил: — Смертельную обиду...

Но эту, последнюю, фразу никто не услышал.

И все вздохнули с облегчением и стали пить и закусывать. А «Хозяин», стоя у окна и затягиваясь, смотрел сквозь клубы дыма на своих веселящихся друзей-сподвижников. На всех. И на каждого. И взгляд его был совершенно трезв...

* * *

Разговор был приватный, без свидетелей. Охрана осталась там, за дверью.

Один собеседник сидел в кресле, привалившись спиной к спинке и вертя в пальцах потухшую трубку. Другой стоял перед ним по стойке «смирно».

— Хочу поручить тебе важное дело. Мог поручить другому, но поручу тебе. Если, конечно, ты никому о нем не расскажешь, потому что это будет наша с тобой тайна. Моя и твоя. Не подведёшь товарища Сталина?

— Что вы... То есть — никак нет!

Человек с трубкой внимательно глянул на собеседника.

— Тебя ведь Александром зовут? А по батюшке как?

— Михайлович.

— Хорошее имя, русское. Отец — сибиряк?

— Да. Из-под Томска.

— Бывал там, проездом. На каторгу. И когда бежал.

Александр слушал, тараща глаза на собеседника, который был Отцом Народов и его Верховным Главнокомандующим, а теперь в шаге от него, так что рукой пощупать можно.

— Верю тебе, Александр Михайлович. Зачем тебе говорить другим о моей просьбе, ты же не женщина, чтобы сплетничать.

— Так точно!

— Нужны мне люди, хорошие, которых подберешь мне ты. Такие, что огонь и воду прошли. Офицеры, может быть, фронтовики. Но не из этих, — обвел пальцем вокруг. — Подбери кого-нибудь из тех, что не при деле, хоть даже они теперь сидят. Посмотри дела, полистай.

— А кого искать-то? — растерянно спросил Александр Михайлович. — Их же много сидит.

Собеседник поморщился.

— Извините, товарищ Сталин, я не то хотел сказать! — стушевался офицер. — Просто, если искать, если непонятно кого...

— Я же говорю — смышлёных подбери, с образованием, с опытом боевым, разведчиков или командиров, с наградами боевыми, чтобы не штабисты. Тех, что сами через линию фронта ходили, а не бумажки на столах перекладывали.

— А если они враги народа, то как же? Они же там все...

— А ты таких подыщи, которые не замарали себя. Человек тридцать — сорок. Справки наведи, кто они такие, где служили, чем отличились. С их сослуживцами поговори...

— А что мне моим начальникам непосредственным сказать?

— Ничего не говори. Никому. Отпуск возьми. А на месте объясни, что товарищ Сталин об одолжении попросил, маленьком, что ищет родственника какого-то. Понял, Александр Михайлович?

— Так точно!

— Тогда ступай. А я кому надо позвоню и записочку напишу, чтобы тебе препятствий не чинили. Езжай к себе в Сибирь и там всё узнавай. А этим... — опять обвёл вокруг себя пальцем. — Ничего не говори. Зачем им знать. Не надо им знать. Могут же у товарища Сталина быть его маленькие личные секреты. Езжай, Александр Михайлович...

* * *

Звонок телефона. Одного среди многих. Но не простого, того самого — кремлёвской «вертушки». Кто бы это? А вдруг сам Абакумов!

Тренькает звонок. Смотрит на него хозяин кабинета как на гадюку ядовитую, взять в руки не решается. Не приходится от таких звонков ничего доброго ожидать, не станет кремлёвское начальство просто так звонить в далёкую Сибирь.

Эх!.. Поднять трубку.

— Слушаю!

— Здравствуй, товарищ.

Что?.. Кто?!.. Нет, не Абакумов. Это сам товарищ Сталин!

Враз вспотел хозяин кабинета, лысину и лицо платочком промокнул. «Хозяин» на проводе!

— Слушаю, товарищ Сталин!

— Как живёшь-можешь, Григорий Михайлович?

— Спасибо, товарищ Сталин, хорошо.

— Просьба у меня к тебе небольшая будет. Человечка к тебе направлю, прими его, помоги, чем сможешь. Хороший человек. Нужный.

— Так точно, сделаю товарищ Сталин. Чем смогу — помогу! Только чем?

— Он сам скажет. Людей ему найти надо, дела их посмотреть, допросить. Проглядели мы их, Органы проглядели. Не по тем статьям привлекли. Враги

они советской власти, которые овечками прикинулись, следствие обманули. Мы теперь их найти должны и привлечь по всей строгости социалистической законности. Он с ними поработает и заберёт у тебя.

— А... А товарищ Абакумов знает?

— Зачем товарища Абакумова по таким пустякам тревожить? Не надо. Пусть это будет наш с вами маленький секрет.

— Но документы...

— Ты сам подумай, как сделать, ты же в Органах не первый год. Дело важное, государственное, а ты бюрократию разводишь. Нехорошо...

— Так точно, сделаю!

— Надеюсь на тебя, Григорий Михайлович...

Гудки.

Стоит Григорий Михайлович ни жив ни мёртв. Так попал! Между молотом и наковальной. С одной стороны — всемогущий Абакумов, с другой — сам товарищ Сталин. Но «Хозяин» страшнее будет, потому как Абакумов под ним ходит. Все они под ним ходят, вся страна! «Хозяин» на расправу крут и быстр — сегодня ты министр, а завтра зэк безродный. Ослушаться его... Нет, лучше промолчать и всё сделать. Авось, пронесёт...

* * *

Дела, фотографии, протоколы, справки, показания...

Десятки страниц...

Сотни дел...

И как «Хозяину» угодить, непонятно. Кого подбирать, чтобы он доволен был, когда не понятно для чего они ему нужны?

В сторону пачку просмотренных дел.

— Еще тащите. Здесь нужных нет.

И особист тащит новую кипу, подбородком в верхние упираясь, чтоб дела не рассыпать. И гадает: за каким этому офицеру, аж из столицы самой, его ээки понадобились? Но спрашивать о том не придется, а приходится исполнять, хоть приезжий ниже его по званию. Потому как приказ от верхнего командования поступил, чтобы помогать всячески, лишних вопросов не задавать и вообще не мельтешить...

— Следующих давай...

* * *

Тёмен барак. Темна и беспросветна жизнь ээка.

Справа, слева храпят на нарах, стонут во сне заключённые, кутаются в телогрейки, которые ни днем ни ночью не снимаются. Люты в Сибири морозы, а печка в бараке одна, вон она, светится в конце прохода алым, стреляет из топки искрами, труба гудит. Там хорошо. Там тепло. Но там, вокруг печи, блатные. Ближние аж фуфайки скинули, в одних майках сидят. А сюда тепло почти не доходит — стены инеем взялись, волосы к утру к нарам примерзают, так что их с хрустом отрывать приходится.

Сосед справа, старичок благообразный, из стариков, уже не стонет и не ворочается, хотя с вечера хрипел и кашлял надрывно — похоже помер, отправился к богу своему на жизнь земную сетовать. Аминь ему пришёл. Ну да пусть до утра лежит, в такой морозяке не протухнет, а от ветра холодного, что сквозь стекло битое задувает — прикроет. А еще можно ему ватничек расстегнуть, да полу на себя накинуть, всё теплее будет. Хорошее дело напоследок преставившийся сделает. А можно в карман залезть, вдруг там хлеба корочка сыщется — ему-то он уже без надобности... Дурное дело, на фронте за такое враз бы в рыло схлопотал, но здесь деваться некуда, здесь гордость — побочку, здесь выживать надо.

Уснуть бы теперь. Да не идёт сон.

Голоса у печки, блатные в карты играют, на интерес. Шумят, ржут, матерятся... Им утром в тайгу лес валить не идти, они все при должностях хлебных или в законе. Их начальство не трогает. Такая несправедливость! Зэки, чуть не половина, полновесной ложкой войны хлебнули, в окопах гнили, вшей «на передке» кормили, в дырках все от пуль, осколков и штыков, что твой дуршлаг, а эти на зоне подьедались, хари наели, аж лоснятся. И ничего с тем не поделаешь. Встать бы, да разбор им учинить. Кровавый. Только где сил взять — добрести до печки еще можно, а дальше что? Толкнут в грудь и упадёшь ты, как трухлявый ствол, навзничь. А могут и зарезать. У них у каждого заточка в кармане имеется, которую отчего-то при шмонах никто найти не может.

Нет, не получится. Только если смерть принять быстро и лёгкую.

Такая жизнь. А лет семь назад казалось, что хуже фронта ничего быть не может. Ан, нет. Взяли тебя под белы ручки, начистили рожу в особотделе и трибуналом полевым, по-быстрому на зону отправили. А здесь... На фронте всяк перед смертью равен. А взводный или ротный, так равнее других, потому как их первых снайперы и пулемётчики выцеливают. Да и солдат не беззащитен, винтовка у него или ППШ, и может он запросто в командира своего во время атаки шмальнуть. Кто там разбираться будет? И хоть трудно и голодно иной раз и страшно, но только все перед тем голодом и страхом равны! А на зоне — нет. На зоне одни жируют, а другие доходят. Одни картошечку в жиру плавающую жрут, а другие — баланду пустую из капустных листьев. А после норму дают. Обидно это так, что руки опускаются и фронт тот вспоминаешь как счастье!

Спать, надо спать. Сон единственное прибежище зэка, где он от действительности спрятаться может.

Хотя и там корки хлебные снятся и морды сытые блатарей.

Спать, все-таки спать... Утро вечера мудренее...

Хотя ничего утром не изменится, всё то же самое будет, изо дня в день, из недели в неделю, из месяца в месяц, из года в год. И мотать тот срок еще шестнадцать лет с гаком, коли добрый прокурор сверху пятерик не накинёт. Такая жизнь, что смерти хуже...

Стонут эки, ворочаются, кутаются в телогрейки и рванину одеял, кричат в полудрёме. И нет их душе покоя ни во сне, ни наяву. И есть только один выход, только один путь к избавлению от каждодневных мучений — смерть...

* * *

13

Дела разложены стопкой на столе. В каждую папку вложен лист с комментариями, написанными от руки. «Хозяин» тянется к стопке, берет папочку, открывает, пролистывает. Читает медленно, вдумчиво, что-то отчёркивая ногтем. Он всё так читает, сотни томов комментариями на полях исписал. Нет у него образования, кроме как семинарии, вот он и добывает, чего в молодости не успел. И как только всё успевает, когда ночь напролёт страной рулит, в кабинет свой наркомов толпами сзывая, а утром уже на рабочем месте. И вся страна так трудится, ни днём ни ночью отдыха не зная...

Отложил папочку, закрыл. Следующую взял.

Офицер, полковая разведка, двенадцать раз за линию фронта ходил, лично на горбу трёх «языков» притащил, два раза ранен. За что сел? Вышестоящему командиру морду в кровь разбил. За это был приговорён к высшей мере, но помилован и отправлен в штрафбат. Попал в плен, бежал, за это, по совокупности всех своих грехов, получил десять лет. На зоне

вступил в конфликт с начальством, применил в отношении них силу и получил еще десятку.

Лицо на фотографии? Умное и злое...

Дальше.

Подполковник, морпех, три десанта, ранения, контузия. В штабах не засиживался, лично в атаку морячков своих поднимал, четыре раза в рукопашке с противником схватывался, в последней десять фрицев штыком и прикладом уложил, троих в плен взял. Боевой мужик. В одном из десантов, после гибели командира, принял на себя командование полком и лично разработал и осуществил операцию, позволившую удержать и расширить захваченный плацдарм. За что был представлен к званию Героя, но... Отмечая это дело, по пьяни, ругательски ругал верхних командиров и самого товарища Сталина. Ай, как нехорошо... самого товарища Сталина! Разжалован, лишён наград, отправлен в лагерь... В лагере получил сверх срока пятнадцать лет, убив двух блатных, защищая какого-то моряка-зэка...

Образование? Хм... математик. Значит, логика имеет место быть — отчеркнуть ногтем.

Кто еще?

Армейская разведка. Начинал с батальонной. Девять раз ходил через линию фронта, устраивал засады, притаскивал «языков», включая какого-то важного подполковника. Ни одного ранения и даже царапины! Редкий везунчик — два состава батальонной разведки пережил... На личном счету двадцать семь немцев, из подтверждённых. Отлично владеет стрелковым и холодным оружием. В одиночку, при возвращении с задания, захватил дот, уничтожив семерых противников, поддержав тем атаку стрелкового батальона. Герой! Ордена, медали, благодарности... Но на десятой ходке получил осколочное ранение в руку. Отстреливаясь от фрицев ушёл в лес, глубоко в немецкий тыл, где при-

бился к партизанам. Три месяца воевал, при атаке на немецкую комендатуру был ранен, попал в плен, через месяц бежал, убив конвоира. Из слоняющихся по лесам красноармейцев и местных жителей сколотил отряд, где стал командиром. Нападал на немецкие разъезды, жёг комендатуры, рвал поезда. При соединении с регулярной армией проявил строптивость, отказавшись сдавать личное трофейное оружие. Вступил в конфликт с особистами, двух из них покалечил. Дальше понятно — приговор и Сибирь...

Образование? Филологическое. Хорош филолог, который челюсти с одного удара сворачивает!

Лицо открытое, располагающее. Хотя на фото всё в синяках и кровоподтёках.

Дальше...

Дальше...

Дальше...

Перекладываются папочки. Справа убывают, слева — растут.

Читает «Хозяин», лица рассматривает, ногтем чиркается. Прочитает — отложит папочку, другую возьмёт...

Не папки — судьбы справа налево перекладывает.

* * *

— Этого... Этого... Этого... Этого... И этого...

Пять папок легли в сторону.

— Привезёшь их в Москву. По одному. Зачем им встречаться, зачем разговоры говорить? Привезёшь, поселишь на Петровке или в Столешниковом переулке, поближе к Большому театру. Квартиру снимешь большую, чтобы семь-восемь комнат. Каждому комнате дашь, и чтобы не выходили. Продуктов купи побольше. Пусть живут, спят, отдыхают.

— А если они в туалет захотят?